

АРГУМЕНТАТИВНИЙ ЕССЕ КАК ПРИМЕР ТЕКСТА-РАССУЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Горбань А. Д. Аргументативний есе як приклад текста-роздуму (на матеріалі англійської мови).

Аналізуються логіко-структурні особливості композиції текстів-роздумів, виявляються їх основні текстоутворюючі параметри. Вивчається проблема типології тексту на композиційно-мовному рівні з урахуванням мовностилістичних факторів.

Ключові слова: тексти-роздуми, композиція, логіко-структурні особливості, типологія, есе.

Горбань А. Д. Аргументативный эссе как пример текста-рассуждения (на материале английского языка).

Анализируются логико-структурные особенности композиции текстов-рассуждений, выявляются их основные текстообразующие параметры. Исследуется проблема типологии текста на композиционно-речевом уровне с учётом лингвостилистических факторов.

Ключевые слова: тексты-рассуждения, композиция, логико-структурные особенности, типология, эссе.

Gorban A. D. Argumentative essay as an example of text-argument (in the English language).

Logic-structural peculiarities of reasoning texts composition being analysed and delineated their main text-forming parameters. Text typology problem on the level of speech composition being investigated, taking into account lingvo-stylistical factors.

Key words: reasoning texts, composition, logic-structural peculiarities, typology, essay.

Обращаясь к проблеме изучения речевой организации мыслительных процессов на уровне текстов-рассуждений, к которым относим жанры малой прозы английской литературы второй половины XVII века (эссе Т. Брауна, Дж. Тейлора, А. Каули, Д. Драйдена, медитации Т. Трахерна, проповеди Д. Гланвилла), необходимо выявить их основные текстообразующие параметры.

Следует отметить, что специфика текстов-рассуждений в художественной литературе состоит в том, что здесь нет чётких, как в научном или ораторском сочинении, строгих форм построения речи. Отсюда трудности изучения «нестандартной» композиции подобных произведений.

Преобладание текстов-рассуждений с жёсткой структурой аргументации во второй половине XVII века объясняется усилением рационалистических тенденций. Идеи Гоббса, явившегося систематизатором Бэконовской рационалистической философии, имели огромное влияние в тот период. Его концепция рассуждения как «сложения и вычитания» определила структуру многих текстов-рассуждений. В большинстве текстов это становится основой, определяющей специфику их риторической организации. Все риторические приёмы – фигуры речи и фигуры мысли – подчинены развёртыванию аргумента.

Такие тексты, где аргументативность проявлена на всех уровнях организации текстового единства, можно отнести к типу «аргументативного рассуждения».

Следует отметить, что если с точки зрения процессов мышления аргументация пристально изучается учёными, то лингвистический механизм воплощения этого процесса до сих пор не изучен. В рассматриваемых текстах-рассуждениях аргументация как умственный акт органично входит в структуру всего текста. Границы между сообщением, констатацией мысли и процессом её логической обработки не очерчена чётко, как в научно-технических текстах.

Аргументативный эссе всегда состоит из отдельных частей, которые зачастую слабо стыкуются друг с другом. Трудность состоит в том, что нет возможности органически конструировать аргумент, поскольку основной его целью является суждение, а не опыт. Это суждение состоит из различного вида умственных операций, которые в итоге трудно привести в полное соответствие. Писатель должен сформировать свою собственную позицию наряду с тем, что часто приходится опровергать позицию оппонента.

Эссе-рассуждение начинается как бы с заключения, с итоговой мысли, раскрытие глубинного, философского смысла которой и составляет основную тему рассуждения.

В качестве примера рассмотрим эссе А. Каули «Of solitude», который начинается с итоговой мысли, утверждения Цицерона о том, что человек наименее одинок тогда, когда он одинок.

Nunquam minus sduam quam cum solus is now became a very vulgar

saying. Every man and almost every boy, for these seventeen hundred years had had it in his mouth [1, с. 468].

Далее автор, рассуждая об одиночестве, анализирует разные его мотивы. Наиболее частым приёмом аргументации в рассуждениях А. Каули является цитирование. Далее в его эссе мы читаем: *This would be not wonder, if it were as truly as it's colorably and whittily said by Mousieur de Montagine, that ambition itself might teach us to love solitude; There; s nothing does so much hate to have companious* [1, с. 468].

Данный участок текста представляет собой энтимему, состоящую из заключения и главной предпосылки, поддерживающей это заключение. Наряду с цитацией автор использует для аргументации и аналогю: *...Tis true, it loves to have its elbows free, it detests to have company on either side, but it delights above all things in a traint behind* [1, с. 468].

Далее следует новая энтимема, основанная на других предпосылках, но поддерживающая ту же заключительную мысль, которая была высказана в начале рассуждения: *It is very fantastical and contradictory in human nature, that men should love themselves above all the rest of the world, and yet never endure to be with themselves. When they are in love with a mistress, all other persons are importunate and burdensome to them. Tecum vivere amem, tecum oobeam lubeus, they would live and with her alone* [1, с. 468].

В качестве аргумента того, что человеку всё-таки свойственно стремление к одиночеству, несмотря даже на самую сильную привязанность, А. Каули опять использует цитацию-аргумент. Очевидно, что в начальной части эссе исчерпывается логическая структура текста, но не исчерпывается его образная правда, всегда за заключением или итоговой мыслью следуют части, выражающие новое понимание этой мысли, причём продвижение мысли в тесте-рассуждении осуществляется в направлении более живой образной реализации.

Д. Коппершмидт говорит о «прядах» аргументации (stands of argumentation) и понимает под этим частичные аргументации. По его мнению, существует микроструктурная и макроструктурная аргументации [2, с. 98]. Именно этот процесс и осуществляется в текстах-рассуждениях. Каждая новая энтимема, каждый новый поворот мысли освещает тот же момент с разных уровней. Обращают на себя сравнения, действующие как вид быстрого доказательства: *They may, like petty thieves, cheat us perhaps, and pick our pockets... Like robbers they use to strip and bind, or murder us ... This like the punishment of parricides among the romans...* [1, с. 469].

Если посмотреть на весь текст в целом, то осуществляется отмеченный М. Кроллом [3] характерный для барочной прозы принцип спирального движения. Союзы, соединяющие периоды (в большинстве случаев это but, and, nor), не имеют смысла логического плюса, а как бы соединяют два усиления воображения, постигающего ту же идею.

Рассуждение развивается от конкретного к абстрактному. Это не

доказательство, осуществляется сдвиг мысли к новому предмету, теме, буквальному или метафорическому утверждению. Истина как бы рассеяна по всему тексту. Каждый новый период – откровение, а каждая новая сентенция претендует быть выводом.

Отличительная черта данного текста-рассуждения в том, что логически он состоит из расширенной энтимемы, причём энтимемы не доказательной (как в «Аналитике» Аристотеля), а энтимемы правдоподобной (по «Топике» Боэция), которая, в свою очередь содержит несколько энтимем, основанных на разных предпосылках, но поддерживающих один и тот же тезис.

Подобное строение разрушает формальную логическую структуру, поскольку связи между энтимемами не всегда явные. Поскольку рассуждение начинается с заключения или тезиса, то все последующие части, или энтимемы, будут представлять собой своеобразный антитезис. Этот антитезис является обязательной частью аргументативного рассуждения. В текстах-рассуждениях, таким образом, важен сам процесс мысли, не только логическая, но и лингвистическая проявленность.

Энтимемы – как бы вехи развития этого процесса. Если убрать одну или несколько этих вех, то всё рухнет, так как важен не итог, а сам процесс мысли.

Тезис и антитезис облекаются в образную, хотя и обобщённую форму. М. Кролл полагает, что движение периода в подобных текстах можно описать как серию обратных движений, возникающих в период логической паузы или временной остановки, и сравнивал подобное движение с проблесковым светом маяка или с блеском граней бриллианта [3, с. 1096].

В композиции текстов-рассуждений тезис и антитезис постепенно приходят к синтезу, который представляет собой не какое-то материальное заключение, а своеобразное построение текста, когда мы доходим до его конца. В текстах этого типа именно сам текст является носителем значения. Выделение составляющих его знаков бывает затруднительно и носит искусственный характер. Именно к такому типу относятся тексты-рассуждения, в структуре которых, на первый взгляд, нет системности. Тексты строятся по принципу ассоциативной свободы.

Главное в структуре этих текстов – процесс живой психики. Композиционная оформленность находит здесь иное воплощение. Не строго логическое движение мысли, а свобода мыслительных процессов определяла принципы композиционной организации.

Всё это свидетельствует, насколько сложными и неоднородными были процессы текстообразования, происходящие в английской литературе второй половины XVII века – периода, который традиционно связывается с усилением рационально-логистических тенденций.

Рассматривая эссе второй половины XVII века как промежуточный жанр, возникающий на стыке литературы и публицистики, литературы и

філософії, необхідно упомянуть о существовании двух разновидностей эссе – formal и informal. Философы и учёные того времени развивали идею опыта как научного эксперимента и обосновывали возможности перехода от него к обобщающим суждениям. Это был formal эссе. Наряду с ним в XVII веке проходил процесс форсирования informal эссе с неупорядоченными, неслаженными, выступающими со всех сторон ассоциациями, дополнительными мыслями. Для informal эссе характерны взволнованная непосредственность и риторическая приподнятость, нагромождение сравнений, метафор, градаций. Это естественно для жанра, получившего развитие в период готовящихся революционных изменений, а во времена Английской буржуазной революции ставшего сферой самых напряжённых идейно-художественных исканий. В эссе важнее всего индивидуальная точка зрения автора, эмоциональная атмосфера, вызванная описываемым явлением. В эссе субъект интереснее, чем объект, особенности восприятия существеннее того, что воспринимается. Однако, при всей заявленной авторами свободе выражения мыслей и эти тексты-рассуждения риторичны. Риторика, как известно, не только искусство убедительной речи, но и искусство организации речи. Риторическая теория прозы оказала мощное влияние на композиционное оформление текстов-рассуждений, прямо связанных с законами красноречия. Проза этого периода насквозь риторична.

Возрождение риторики в XVII веке определило и особый характер порождения текстов, в которых обязательной организации подвергаются лексико-семантический и синтаксический уровни.

Элемент сознательности и правильности здесь очевиден, поэтому структура предстаёт обнажённо. Рассуждение здесь не комбинированно с другими композиционно-речевыми формами, а представляет полное речевое произведение.

В текстах-рассуждениях второй половины XVII века главным фактором текстообразования становится не заданный рассудком тип рационально-логической аргументации, а риторическая организация стиля, его выразительность. Стилль здесь не является чем-то «чисто формальным» по отношению к идеям, а является неотъемлемым критерием текста, ведь глубина мысли может быть утрачена, если не выражена соответственная стилистика. Спецификой текстов-рассуждений является насыщенность стиля фигурами мысли и фигурами речи. В английской классификации фигуры мысли – фигуры, которые не меняются от пересказа другими словами. Они могут быть обращены к предмету речи (уточнять мысль, чувство, образ), к публике, к сопернику. Фигуры речи – фигуры, которые разрушались бы от пересказа другими словами. Следует заметить, что для одних текстов-рассуждений более характерны фигуры речи, для других – фигуры мысли.

Рассмотрим, как Д. Тейлор использует фигуры речи в эссе «The rule and exercises of holy dying» и, в частности, в первом абзаце первой части, которая

называется «Consideration of the Vanity and Shortness of Man's Life» [4, с. 441].

A man is a bubble, said the Greek proverb; All the world is a storm, and men rise up in their several generations, like bubbles descending a jove pluvio, from god and dew of heaven, from tear and drop of man, from nature and providence. But if the bubble stands the shock of a bigger drop, and outlives the chances of a child, of a careless nurse, of broneing in a pail of water, of being overlaid by a sleepy servant, or such little accidents, then the young man dances like a bubble, emty and gay, and shines like a dov's neck, or the image of a rainbows, which hath no substance, and whose very imagery and colors are fantastical [4, с. 441].

Эссе начинается с тезиса или заключительной части, представленной в виде греческой поговорки: «A man is a bubble». Вся последующая часть – это главная предпосылка, поддерживающая тезис. Автор использует широкий спектр фигур речи для образной реализации мысли, заложенной в тезисной части. Логическое и эмоциональное отражение действительности в данном тексте-рассуждении настолько взаимосвязаны друг с другом, что невозможно определить, какой из этих показателей главенствует.

Эмоциональное и рациональное здесь сливается в единый процесс познания окружающего человека мира, а убедительность изложения достигается не только строгой логичностью аргументации, но и особым выбором языковых средств выражения последней, что заметно отлично от текстов-рассуждений научного плана. Композиция держится не риторическом синтаксисе, но и на образах-концептах. Главное в прозе Тейлора – не религиозно-этический смысл, а эстетически тонкие образы.

При построении периода автор широко использует лексическую анафору: ... *from god and dew of heaven, from tear and drop of man, from nature and providence* ...

Дополнительную экспрессивную нагрузку здесь несёт аллитерация: *death and darkness; chances of a child; sleepy servant*.

Подводя итог, можно сделать вывод, что риторико-стилистический аспект играет существенную роль в процессе образования текста-рассуждения рассматриваемого периода, который предстаёт как созданное на основе одной композиционно-речевой формы цельнооформленное структурное и коммуникативное единство, прагматические и стилистические аспекты которого воспроизводят речемыслительный процесс как процесс работы сознания.

Література

1. Cowley A. Of solitude / A. Cowley // Seventeenth Century Prose and Poetry. – N. Y.; San Diego; Chicago; San Francisco, 1982. – P. 468.
2. Koppershmidt J. Rhetorica Aubstage zur Theorie / J. Koppershmidt // Geshichte und Praxis. – Hildesheim, 1985. – Vol. XII – P. 98.
3. Croll M. W. The Baroque Style in Prose / M. W. Croll // Seventeenth Century Pose and Poetry. – N. Y.; 1982. – P. 1096.
4. Teylor J. The rule and exercises of holy dying / J. Teylor // Seventeenth Century Prose and Poetry. – N. Y.; San Diego; 1982. – P. 441.